

В Концертном зале Чайковского бываю ровно раз в году, приходя именно на этот вечер, которого жду заранее. Отвратительное зрелище французской кофейни, занявшей теперь весь первый этаж, некогда просторный и принадлежащий зрителю Зала Чайковского. Кофейня пустая от полного отсутствия едоков, с ценами исключительно в долларах, которые даже постеснялись перевести в рублевое исчисление, настолько они бесовские. И билет на авторский вечер, и новая книга Вознесенского в суперобложке, прекрасно изданная издательством "Вагриус", стоят дешевле "французской" чашки кофе.

Что новенького, Андрей Андреевич? Поэма "Урагангел", посвященная летнему московскому урагану, и "Жуткий crisis superstar", посвященная, соответственно, финансовому кризису. В ходе вечера демонстрируются видеомы, спроецирован-

Экран и сцена
1998 - Вечер

жк - 97
**Вознесенского 11
ноября 1998 года**

ные на белый экран. Молодой пианист Антон Севидов исполнял джазовые композиции собственного сочинения. Мы терпеливо слушали, принимая условия игры и прекрасно зная, что это, конечно, не имеет никакого отношения к тому, зачем мы все сюда пришли. А мы знали, зачем пришли. Увидеть вас.

Как вы стоите у микрофона (точно так же, как год назад, как десять лет назад), как поднимаете брови и шуритесь в зал. Читая наизусть, легко и празднично, старые стихи и – как бы нащупывая и не узнавая – новые. Ощущение было привычное:

что весь вечер, собственно, происходил ради ностальгии по этим вот старым, родным, как вдох и выдох, стихотворениям 60-х – 70-х, которые незримо объединяли нас всех когда-то, а сейчас уже складывались в бесконечность, которую можно было компоновать как угодно, соединяя одну с другой любые композиции, давно внедрившиеся в наше подсознание. Вот они, эти рифмы, на которых мы вечно будем раскачиваться, уносясь ввысь:

Мать Владимирская, единственная,
Первой молитвой – молитвой последней –

Я умоляю –
Стань нашей посредницей.
Неумолимы зрачки Ее льдистые.

Не славы и не коровы,
Не шаткой короны земной –
Пошли мне, господь, второго –
Чтоб вытянул петь со мной!

Словно и не писалось тех, что были следом за ними, в 80-е, в 90-е, и которых, кстати, было не меньше. И словно они уже почему-то не могли претендовать на такое же место в истории и в наших умах.

Словом, те стихи зал дружно выдыхает с автором в унисон, а эти – никто не знает. Значит, тогда они были всем нам необходимы, а теперь – нет?

У меня к вашей поэзии, Андрей Андреевич, личный счет. Может быть, она была самым дорогим в пору моего человеческого становления. Тем, на почве чего слагались душевные постулаты. И потому объяснимы ревность и болезненность восприятия. Упрямое желание быть в круге одиночества рядом с вашими стихами, никого не впуская в этот круг, сурово его охраняя.

И нам все равно, что вы сегодня прочтете со сцены, какая разница. Нужен лишь факт присутствия, факт свершения, магия минуты. Просто ощутить еще раз привычный, сакральный ритм вашего чтения. И просто подышать рядом, под одним куполом Зала Чайковского.

– Ну, что вам прочесть еще? (И то, что просят прочесть из зала, вновь изумляет ежегодным однообразием: Вступление к "Озе", "Осень в Сигулде", "Пожар в архитектурном", "Вальс при свечах", "Васильки Шагала").

– Так что же вам прочесть?

– Да все равно. Ничего. Ведь все, что вы прочтете сейчас, мы и сами можем прочесть и пропеть наизусть, в любом количестве, с любого места. Поэтому прочтите все равно что. А мы пока побудем рядом с вами, пользуясь еще одной дарованной близостью, раз в году.